

Е. Эткинд. Симметрические композиции у Пушкина. — Париж, 1988. — С. 37-41
 «К***» («Я помню чудное мгновенье...» /1825/)

I. Я помню чудное мгновенье:

Передо мной явилась ты,
 Как мимолетное виденье,
 Как гений чистой красоты.

II. В томленьях грусти безнадежной,
 В тревогах шумной суеты,
 Звучал мне долго голос нежный,
 И снились милые черты.

III. Шли годы. Бурь порыв мятежный
 Рассеял прежние мечты,
 И я забыл твой голос нежный,
 Твои небесные черты.

IV. В глуши, во мраке заточенья

Тянулись тихо дни мои,
 Без божества, без вдохновенья,
 Без слез, без жизни, без любви.

V. Душе настало пробужденье.

И вот опять явилась ты,
 Как мимолетное виденье,
 Как гений чистой красоты.

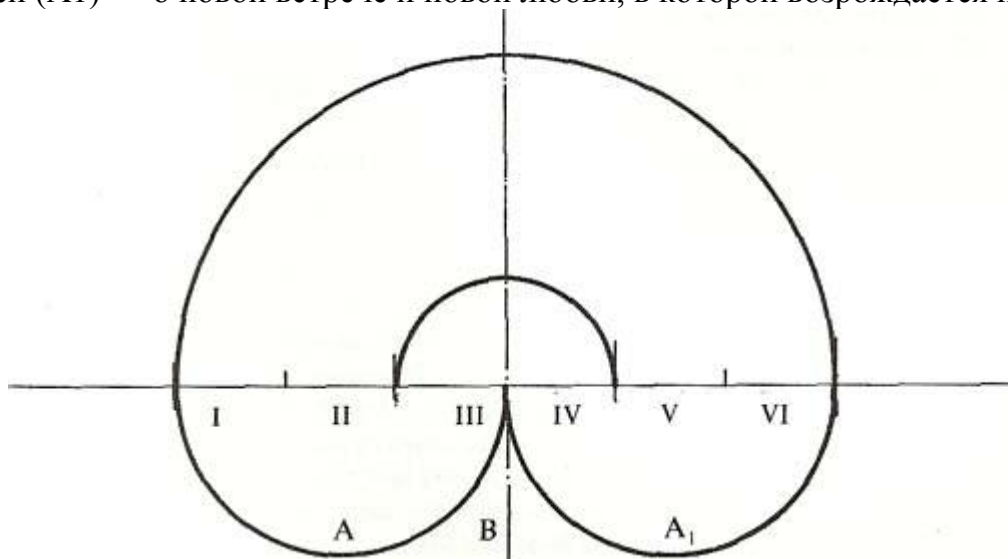
VI. И сердце бьется в упоенье,
 И для него воскресли вновь
 И божество, и вдохновенье,
 И жизнь, и слезы, и любовь.

1825

Стихотворение «К***» («Я помню чудное мгновенье...», 1825) — один из шедевров лирической поэзии — разбиралось не раз. Здесь пойдет речь только о его композиции в связи с принципом симметрии. Шесть стрóf четырехстопного ямба, рифмованных АБАБ, переплетаются между собой, образуя сложную фонетическую ткань; достаточно взглянуть на рифменную формулу, чтобы в этом убедиться:

AbAb CbCb CbCb AdAd AbAb AeAe
 I II III IV V VI

Постоянные повторы, возвраты и сплетения говорят о нерасчленимом единстве переживания. Тематически же стихотворение распадается на три части по две стрóфы в каждой; в первой части (А) говорится о первой встрече, о давней любви, во второй (В) — о разлуке, в третьей (А₁) — о новой встрече и новой любви, в которой возрождается прежняя.

Композиция строится по формуле: 2 + 2 + 2. В то же время стихотворение распадается на две равные половины, образуя две группы 3 + 3. Первая половина начинается сочетанием: *Я помню...* и кончается его отрицанием: *И я забыл...* Всю ее объединяют мужские рифмы на *-ты*: *ты, красоты, суеты, черты, мечты, черты*. Женские рифмы связаны общей гласной е.

Вторая половина начинается отрицанием — «*Без божества, без вдохновенья...*» и кончается утверждением: «*И божество, и вдохновенье...*»; все три строфы объединены женскими рифменными окончаниями на *-енья(е)*.

Таким образом, первая половина стихотворения говорит о вспыхнувшей и потом забытой ранней любви, вторая — об умершей и потом воскресшей душе, о забытой и потом возродившейся любви.

Заметим, кстати: привычное чтение сомнительно; оно сводится к тому, что под влиянием новой встречи с прежде любимой женщиной возродились «*И божество, и вдохновенье*»; то есть, что любовь — источник творчества. Между тем, Пушкин, как всегда, необычайно точен; он говорит:

Душе настало пробужденье,
И вот опять явилась ты...

а не: «...явилась ты, и душе настало пробужденье». Не любовь породила вдохновенье, а пробужденье к творчеству возродило способность любви. Не в этом ли соотношении проблема «*Онегина*»? Потому ли Онегин оказался способен на гражданские чувства, что в нем родилась любовь, или потому он смог полюбить, что стал гражданином? Решение этого вопроса определяет место «*декабристских строф*» так называемой десятой главы. Думаю, что они должны были лечь — рядом с «*Путешествием Онегина*» — до последней встречи с Татьяной. Истолкование строфы V стихотворения «*К****» представляется в том же духе: «душа приобщилась к творчеству, и я смог полюбить...».

«*Я помню чудное мгновенье...*» подчинено двум композиционным членениям, которые оба симметричны, хотя и, в известном смысле, противоречат друг другу: 2 + 2+2 и 3+3. Двойственность композиции и, следовательно, содержания, сообщают стихотворению особую загадочную глубину.